

Бердникова А.Ю.
Научный сотрудник
сектора истории русской философии
Института философии РАН

Рецепция идей Лейбница в русской философии рубежа XIX-XX вв.

Наследие Лейбница (наравне с наследием других великих немецких философов – И. Канта, Г.В.Ф. Гегеля, Ф.В.Й. Шеллинга и др.) было воспринято в русской мысли еще при жизни философа. Сам он, как известно, считал себя «славянином из рода Любеничей» [3, 11], был юстиц-советником Петра Первого, участвовал в разработке проекта Академии наук в России, хотел стать «русским Солоном» и считал Россию «чистым листом», где на пути реформ есть возможность избежать европейских политических ошибок. Рецепция идей Лейбница продолжилась и в XVIII веке (примером чему служат лейбнице-вольфианская традиция в высшей школе, некоторые элементы учения М.В. Ломоносова и А.Н. Радищева). Итогом такого положения дел стало зарождение во второй половине XIX – начале XX вв. особого специфического направления в русской философии – неолейбницианства, или метафизического персонализма.

Первые упоминания о русском лейбницианстве как отдельном философском направлении появляются уже в начале XX в. (в частности, в работе Т.И. Райнова «Лейбниц в русской философии второй половины XIX века», 1916 г.) [8]; но при этом автором термина «русское неолейбницианство» стал В.В. Зеньковский, включив его в свой знаменитый труд «История русской философии» (1948 г.) [5, 599-642]. Зеньковским же был сформирован и круг персоналий, которых традиционно принято относить к данному направлению: А.Н. Радищев, А.А. Козлов, С.А. Алексеев (Аскольдов), Л.М. Лопатин, Н.О. Лосский, Н.В. Бугаев и др.

Немаловажную роль в возникновении неолейбницианства в России сыграли идеи И. Канта и неокантианства, как немецкого, так и русского. Знаменитый призыв Отто Либмана «Назад, к Канту!», высказанный им в его программном произведении «Кант и эпигоны» (1865) послужил одной из причин, побудившей Е.А. Боброва, одного из первых русских неолейбницианцев, переводчика «Монадологии» на русский язык, написать в своем труде «Из истории критического индивидуализма» (1898) «Лозунгом будущего поколения метафизиков, легко возможно, станет не “Назад к Канту!”, а “Назад к Лейбницу!”» [1, 40]. Каковы же были основные причины такой тенденции возвращения «назад, к Лейбницу» в русской философии той эпохи? В первую очередь, такой причиной послужила сама эпоха, обозначаемая на Западе как «fin de siècle», а в России как Серебряный век. Характерной чертой данной эпохи можно назвать *кризисность*, проявляющуюся в различных сферах науки, культуры, социального устройства. Истоки такого кризиса во всех областях жизни традиционно философами находились в таких течениях мысли, как: позитивизм, материализм, дарвинизм, марксизм и т.д. (для примера можно вспомнить магистерскую диссертацию В.С. Соловьева «Кризис западной философии. Против позитивистов» (1874), а также цикл работ Андрея Белого «На перевале» («Кризис жизни», 1916; «Кризис культуры», 1920; «Кризис сознания», 1920, опубликована не была)). В поисках выхода из этого всестороннего кризиса русские лейбницианцы через переосмысление «Монадологии» Лейбница ставили в центр своего внимания не отвлеченное знание (как это делали кантианцы), не безличный «мировой дух» (гегельянцы), не проблемы соборности, Софии и богочеловечества (как это делала «постсоловьёвская» русская религиозная мысль), а понятие *бытия*, причем в его личностном, пероналистическом аспекте. Основной их идеей здесь была мысль о том, что бытие – это в первую очередь мое бытие, мое «Я», которое «нельзя отнять даже у кричащего младенца» [9, 86]. Через свое «Я» человек познает окружающий мир (в первую

очередь с помощью *проекций* своих чувств во вне), других личностей, и даже Бога (для последнего в русском неолейбницианстве даже использовался специальный термин – «сознание Бога», или «богосознание» - «Gottesbewusstsein»). Но при этом главным пунктом «Монадологии» Лейбница, который в русском неолейбницианстве категорически не принимался, было учение о предустановленной гармонии, представление о том, что «монады вовсе не имеют окон, через которые что-либо могло бы войти туда или оттуда выйти» [6, 412-413]. Напротив, русские неолейбницианцы считали, что открытость и способность к общению является одним из наиболее необходимых атрибутов каждой монады. В системах взглядов представителей русского неолейбницианства мы нередко встречаем представления о сложных иерархиях монад-личностей («иерархический персонализм» субстанциальных деятелей Н.О. Лосского, «эволюционная монадология» Н.В. Бугаева и т.д.). Этот же пункт, к слову, является центральным аргументом для исследователей, критикующих термин «русское неолейбницианство», которые утверждают, что более корректным определением для данного направления является термин «метафизический персонализм» (такова позиция, например, М.А. Прасолова).

Итак, кто же такие русские неолейбницианцы (или метафизические персоналисты), кого мы можем в первую очередь отнести к данному направлению? Во-первых, это Юрьевская школа неолейбницианства, которую Алексей Иванович Введенский называл единственной «школой» «в строгом смысле слова» в русской университетской философии [2, 212-213], – круг учеников и последователей профессора Густава Тейхмюллера (1832-1888). Тейхмюллер, в свою очередь, принадлежал к школе Фридриха Адольфа Тренделенбурга (1802-1872), - немецкого профессора, аристотелика и логика, из плеяды учеников которого (а к таковым относились Г. Коген, Ф. Brentano, С. Кьеркегор, В. Дильтей, Р. Эйкен, Е. Дюринг и др.) фактически выстроилась вся новоевропейская философия конца XIX – начала XX века. Первую половину своего творческого пути Тейхмюллер провел в Германии, в 1856-1870 гг. работая и обучаясь в Берлинском, Геттингенском и Базельском университетах. В это время основной фокус его интересов был сосредоточен на истории античной мысли (в особенности Платона и Аристотеля) и философии понятий. С 1870 до своей смерти в 1888 году Тейхмюллер был профессором в Дерптском университете и занимался уже разработкой проекта собственной философской системы. В этот проект Тейхмюллер включил такие разделы, как: онтологию (или учение о «действительном мире»), феноменологию (учение о «мире кажущемся»), логику, психологию и философию религии. Целью, которую ставил перед собой Тейхмюллер, было оправдание метафизики как науки, и здесь он относил свою систему к «метафизике четвертого мировоззрения», к которой, по его представлениям, также относилось и учение Лейбница о монадах (другими «великими мировоззрениями» Тейхмюллер, вслед за Тренделенбургом, считал материализм, идеализм и учение Спинозы). Систему взглядов Тейхмюллера продолжили развивать его ученики и последователи: уже упоминавшийся ранее Е.А. Бобров делал это в области психологии и эстетики (собственную систему именуя при этом «критическим индивидуализмом»); латвийский мыслитель Я.Ф. Озе развивал «теорию четырех великих мировоззрений», добавляя к ним «пятое» - учение самого Тейхмюллера; польский мыслитель В.Ф. Лютославский расширил наработки Тейхмюллера в области античной философии, составив хронологию диалогов Платона, а также применил персоналистические идеи своего учителя для обоснования польского мессианизма; и, наконец, литовский философ В.С. Шилкарский – наиболее поздний член Юрьевской школы, - развивал идеи Тейхмюллера в контексте «религиозного спиритуализма» Л.М. Лопатина и В.С. Соловьева. Линия преемственности идей Тейхмюллера и Юрьевской школы продолжается в концепциях А.А. Козлова, его сына С.А. Алексева (Аскольдова) (панпсихизм), а также Н.О. Лосского (интуитивизм, идеал-реализм, иерархический персонализм).

Альтернативным центром развития русского неолейбницианства было Московское психологическое общество, где вскоре после появления перевода «Монадологии»

Боброва, вышедшего в 1894 году в четвертом выпуске «Трудов МПО», сформировалось два магистральные направления: математическое, или аритмологическое («эволюционная монадология» Н.В. Бугаева, Московская философско-математическая школа, ранний Флоренский) и психологическое («критическая монадология» П.Е. Астафьева, «монистический спиритуализм» Л.М. Лопатина).

Стоит отметить также, что русское неолейбницианство не завершилось на трудах вышеназванных персон. К данному направлению можно отнести также идеи нескольких малоизвестных мыслителей, не вписавшихся ни в одно из направлений или школ русского неолейбницианства. Это, например, И.С. Продан (1854-1920), профессор Юрьевского университета, который сознательно дистанцировался от Юрьевской школы, и в то же время занимался разработкой «эволюционной монадологии» (что, в свою очередь, отсылает нас к творчеству Н.В. Бугаева). Интересной и загадочной фигурой является Виктория Салагова, автор докторской диссертации «Трансцендентальный характер учения Лейбница о монаде» (1916), которая была принята «философским факультетом университета в Гиссене» в 1914 г., но, скорее всего, из-за начавшейся Первой мировой войны «до выдачи диплома дело так и не дошло» [4, 183-184]. В этой работе Салагова перетолковывала идеи Лейбница в духе Канта и неокантианства; она считала, что персоналистическую трактовку этих идей, характерную для русского неолейбницианства, «существенно неполной», и монады Лейбница по сути представляют собой те же «трансцендентальные принципы» Канта. Такие ее суждения вызвали в ответ резкую критику Н.О. Лосского, который упрекал Салагову в «когенизации» учения Лейбница [7, 135]. К сожалению, о философской и личной биографии Салаговой не осталось практически никаких сведений. На границе неокантианства и неолейбницианства находились также идеи А.И. Сырцова (1880-1938), прошедшего в эволюции своих взглядов путь от кандидата богословия до специалиста по теории относительности А. Эйнштейна. Также мы можем найти развитие неолейбницианских идей в философских работах русских символистов: к таковым относятся, в частности, ранние труды В.Я. Брюсова (реферат «Учение Лейбница о познании», 1897; «О искусстве», 1897) и «Эмблематика смысла» (1909) Андрея Белого. Хронологически последним русским неолейбницианцем может считаться философ русской эмиграции В.Н. Ильин (1891-1974), автор системы «всеобщей морфологии», который позиционировал себя как последователя и ученика П.А. Флоренского.

Таким образом можно заключить, что русское неолейбницианство представляло собой, хотя и слабоинституализированное, но при этом вполне оригинальное и самобытное явление в русской философии конца XIX – начала XX в., с одной стороны, напрямую связанное с наследием самого Лейбница, а с другой - отнюдь не тождественное философской рецепции мысли немецкого философа в России в целом (что, в свою очередь, можно охарактеризовать как «лейбницианство» в широком смысле этого слова).

1. Бобров Е.А. Из истории критического индивидуализма. Казань, 1898. – 51 с.
2. Введенский Алексей Ив. Один из типов университетской философии (О переводах и сочинениях и. д. доцента Юрьевского Университета Е. А. Боброва) // Богословский вестник, 1896, т. III, № 8. С. 212-228.
3. Герье В.И. Лейбниц и его век. СПб.: Наука, 2008. – 807 с.
4. Дмитриева Н.А. Русское неокантианство: «Марбург» в России. Историко-философские очерки. М.: РОССПЭН, 2007. – 512 с.
5. Зеньковский В.В. История русской философии. М.: Академический проект; Раритет, 2001. – 880 с.
6. Лейбниц Г.В. Монадология / Пер. с нем. Е.А. Боброва // Лейбниц Г.В. Сочинения в четырех томах: Т. I / Ред. и сост., авт. вступит, статьи и примеч. В. В. Соколов. М.: Мысль, 1982. С. 413-430.

7. Лосский Н.О. Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция. М., 1995. – 400 с.
8. Райнов Т.И. Лейбниц в русской философии второй половины XIX века // Вестник Европы, 1916. Кн. 12. С. 284-298.
9. Тейхмюллер Г. Дарвинизм и философия / Пер. А.К. Николаева под ред. Е.А. Боброва. Юрьев, 1894. – 100 с.